

Чеглок А

**Рассказы из жизни животных
Африки**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82.09
ББК 83.3
А11

А11 **А Ч.**
Рассказы из жизни животных Африки / Чеглок А – М.: Книга по Требованию,
2026. – 249 с.

ISBN 978-5-521-29876-1

ISBN 978-5-521-29876-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ихъ спинами, длинные стволы ружей—говорили ясно о серьезности ихъ путешествія.

Они шли туда, вглубь, въ ту страшную пустыню, въ которой только на маленькихъ клочкахъ земли, возлѣ воды и пальмъ, небольшія группы людей могутъ вести полуголодную жизнь.

Да, ужасна пустыня!

Караванъ тронулся въ путь.

Ужасна безлюдіемъ, бесплодностью, страшными сыпучими песками и подавляющею громадностью!

Каждое путешествіе по ней отъ одного оазиса до другого—это опасное предпріятіе, которое не всегда оканчивается благополучно.

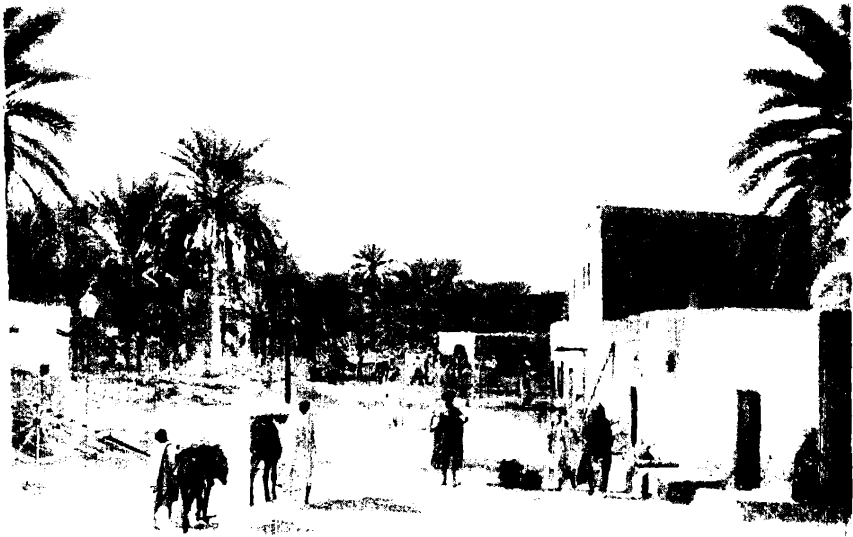
И чѣмъ дальше вглубь Сахары, чѣмъ рѣже находится одинъ оазисъ отъ другого—тѣмъ больше опасности въ такихъ путешествіяхъ.

Но еще больше опасности даритъ Сахара торговымъ караванамъ, верблюды которыхъ тяжело нагружены всякаго рода товарами.

Тутъ ко всѣмъ опасностямъ природы присоединяется вѣчное опасеніе нападеній со стороны туаре-

говъ, этого разбойничьяго племени, для котораго разбой есть особый, лишь болѣе опасный видъ охоты, чѣмъ за дикими животными. Но какъ ни опасно водить караваны, тѣмъ не менѣе всегда находятся люди, которые за ничтожное вознагражденіе въ 40—60 копѣекъ въ сутки готовы рисковать своею жизнью и браться за такую работу.

Каждый разъ я долго смотрѣлъ за удаляющимся караваномъ. И каждый разъ одно и то же

Тугуртъ.—Входъ въ городъ.

жуткое чувство за жизнь этихъ людей охватывало меня, когда песчаные бугры поглощали послѣдняго человѣка.

Но странное дѣло: вмѣстѣ со страхомъ у меня пробуждалось другое чувство, какое-то любопытство, желаніе самому проникнуть вглубь пустыни и увидѣть ее во всей ея дикой и ужасной неприглядности.

Въ томъ новомъ, что я могъ увидѣть тамъ, а можетъ быть и въ самой опасности такого путешествія коренилось какое-то особенное стремленіе сдѣлать его самому.

Какъ запрещенный плодъ—это стремленіе все чаще пробуждалось во мнѣ и все настойчивѣе и настойчивѣе побуждало меня къ его выполнению.

Я рѣшился.

На первый разъ я намѣтилъ путешествіе въ Уарглу.

Отъ Тугурта до Уарглы считается не больше 160-ти верстъ. Мой проводникъ говорилъ, что на его верблюдѣ мы сдѣлаемъ свободно этотъ путь въ 4 дня.

Въ Уарглѣ мы дадимъ 2 дня отдыха себѣ и верблюдамъ и въ 4 же дня сдѣлаемъ обратный путь.

Десяти дней вполне достаточно для этого путешествія. На приготовленіе къ нему мы употребили цѣлый день. Приходилось брать провизіи на десять—двѣнадцать дней. Въ Уарглѣ можно было найти только финики и кусъ-кусъ*). На другой день въ 4 часа утра Бу-Канасъ стоялъ возлѣ моего окна и бросалъ въ окно горсти песку, считая, вѣроятно, неприличнымъ стучать кулакомъ.

Я одѣлся и вышелъ.

Возлѣ него стояли два верблюда. Но, о ужасъ! Что это были за животныя!

Не дальше какъ вчера Бу-Канасъ расхваливалъ мнѣ своихъ верблюдовъ и даже осмѣливался утверждать, что они мало чѣмъ уступаютъ быстроногимъ мегари.

Теперь же предо мною стояли два несчастныхъ одра, на которыхъ шерсть висѣла клоками, а на животѣ, суставахъ и заднихъ ногахъ ея совсѣмъ не было.

*) Вродѣ манны, готовится также изъ пшеницы.

Верблюды славятся своимъ безобразіемъ. Но эти два верблюда были, кажется, самыми безобразными во всей Сахарѣ.

И у одного, и у другого верхнія губы нависали внизъ и совсѣмъ закрывали зубы, а нижнія еще болѣе отходили внизъ и висѣли сами по себѣ.

Громадныя, длинныя ноздри, вытертая шерсть около глазъ и многочисленныя морщины придавали обоимъ верблюдамъ жалкій, старческій видъ.

Верблюдъ Бу-Канаса.

— И на этихъ верблюдахъ, не удержался я, мы должны сдѣлать двѣсти верстъ по пустынѣ?

— Хочешь—въ Тунисъ повезу! задѣтый моимъ восклицаніемъ хвастливо воскликнулъ Бу-Канасъ.

— Какой тамъ Тунисъ! Хорошо, если до Уарглы они не сдохнутъ по дорогѣ.

— И! охы, охы, охы, какъ ты нехорошо сказалъ. Зачѣмъ такъ говорить? Передъ дорогой? Впрочемъ Аллахъ милостивъ, онъ не допуститъ, чтобы съ

его правовѣрнымъ что-нибудь случилось по дорогѣ, успокоилъ онъ себя.

— А про меня-то ты забылъ?—спросилъ я.

— У тебя свой Богъ есть,—спокойно отвѣтилъ онъ и началъ прилаживать узлы съ провизіей.

Мнѣ тоже ничего не оставалось сдѣлать, какъ и самому начать сборы.

Въ сущности, я не знатокъ верблюдовъ. Можетъ быть, дѣйствительно, эти верблюды только съ виду не казисты, а на ходу они хороши.

Вѣдь разъ Бу-Канасъ рѣшается ѣхать, такъ чего же я буду сомнѣваться—успокоилъ я себя и черезъ полчаса наши два верблюда были навьючены почти такъ-же, какъ и верблюды, отправляющіеся съ товарами.

Я никакъ не ожидалъ, что у насъ двоихъ окажется такъ много багажа. Я даже предлагалъ Бу-Канасу оставить что либо дома, но онъ находилъ, что въ пустынѣ лучше взять больше, чѣмъ меньше.

Съ нашими верблюдами повторилась та же исторія, что и со всѣми другими...

И въ тотъ моментъ, когда ихъ заставляли ложиться, и во время поднятія они оглушали насъ своимъ ревомъ. Я усѣлся на верблюда довольно благополучно.

Правда, когда верблюдъ вдругъ поднялся на заднія ноги, то я чуть не перелетѣлъ черезъ его голову, а когда онъ поднялся на переднія, то я былъ близокъ къ тому, чтобъ полетѣть вверхъ тормашками. Но все же я удержался, благодаря двумъ тюкамъ, а когда верблюдъ зашагалъ, то я нашелъ, что на нихъ совсѣмъ не такъ скверно ѣздить, какъ казалось. Онъ давалъ не лошадиную тряску, а плавное покачиваніе.

Мнѣ это качаніе напоминало ѣзду въ шлюпкѣ во время мертвой зыби *).

*) Такъ называется волненіе на морѣ послѣ сильнаго вѣтра.

Корабль пустыни оправдывалъ свое *название*: черезъ полчаса у меня появилась даже легкая тошнота, какъ отъ морской качки. Но черезъ часъ я уже совсѣмъ освоился съ такой ѣздой. Я даже вынулъ свой фотографическій аппаратъ, чтобы сфотографировать Бу-Канаса, около двухъ сиротливо стоящихъ пальмъ. Въ своей громадной шляпѣ и въ толстомъ полосатомъ бурнусѣ, онъ показался мнѣ очень интереснымъ. Какъ у него, такъ и у его верблюда висѣло на шеѣ по амулету. У него священный

Бу-Канасъ и его верблюды.

амулетъ былъ задѣланъ въ жестяномъ медальонѣ, а у верблюда обмотанъ грязной, огромной тряпкой.

Бу-Канасъ пространно объяснялъ мнѣ, отъ какихъ напастей спасали его и его верблюда эти амулеты, а я въ это время думалъ о томъ, какъ всѣ люди похожи другъ на друга.

Не то ли самое я слышалъ на своей далекой родинѣ? Развѣ не такое же чудесное значеніе при-

давалось тамъ кусочкамъ дерева, костямъ, какъ здѣсь—обыкновеннымъ камешкамъ. Слабъ человѣкъ въ невѣжествѣ! Нужно ему создавать себѣ опору въ чемъ-нибудь передъ невѣдомыми ему грозными силами природы. Передо мной пронесли картины культурной Европы—громадные города, фабрики, густая сеть желѣзныхъ дорогъ, поѣздъ, на которомъ я въ одну ночь сдѣлалъ больше 700 верстъ; потомъ громадный пароходъ, доставившій меня изъ Марсея въ Алжиръ. Тамъ было торжество человѣка, завоеваніе природы и могучее подчиненіе ее своимъ желаніямъ, цѣлямъ... Тамъ не нужно было привѣшивать къ паровозамъ и пароходамъ никакихъ амулетовъ и талисмановъ.

И люди, которые изобрѣтаютъ и управляютъ ими, тоже не нуждались въ талисманахъ. У нихъ былъ только одинъ талисманъ — ихъ гордый разумъ, выкинувшій изъ ихъ головы всѣ людскія суевѣрія.

Только въ смѣломъ, пытливомъ разумѣ залогъ побѣды человѣка надъ силами природы.

Тамъ-же, гдѣ этого нѣтъ, человѣкъ не идетъ дальше прирученія животныхъ и пользованія ими.

Болѣе 3000 лѣтъ тому назадъ верблюды уже были извѣстны, какъ прирученныя животныя, народамъ Азіи и Африки, и теперь, какъ и 3000 лѣтъ тому назадъ, лучшаго способа передвиженія эти народы не придумали. Человѣкъ пользуется лишь тѣмъ, что даетъ ему природа въ лицѣ этого уродливаго, жвачнаго животного.

Конечно, само по себѣ это животное достойно удивленія и тщательнаго изученія.

Трудно представить, чтобы безъ верблюдовъ могла быть заселена людьми пустыня.

Его поразительная неприхотливость, какъ въ пищѣ, такъ и питьѣ, дѣлаютъ его самымъ удобнымъ животнымъ для всякаго рода услугъ въ пустынѣ.

Мы ѣхали на 10 дней, но Бу-Канасъ и не думалъ взять для нихъ какой-либо пищи.

Жалкихъ маленькихъ кустиковъ, растущихъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пустыни, было достаточно для пищи верблюдамъ.

Это не лошадь, которой нужна хорошая пища въ видѣ овса или ячменя.

Хорошей пищи верблюдъ не переноситъ.

Всѣ попытки поселить ихъ въ плодородныхъ долинахъ оканчивались неудачей и наоборотъ, тамъ, гдѣ почва тоща, гдѣ растительность наиболѣе скудна, груба,—какъ, на примѣръ, въ пустыняхъ или на пологихъ морскихъ берегахъ—тамъ верблюдъ чувствуетъ себя лучше всего.

Для благополучія этихъ странныхъ животныхъ нужны самыя грубыя, жесткія травы или мясистыя солончаки *). Они охотно сѣдаютъ и вѣтки мимозъ и акацій съ ихъ громадными толстыми иглами. Вѣроятно, уколы этихъ иголъ не вонзаются глубоко и не причиняютъ ни малѣйшей боли ни языку, ни нёбу, ни пищеводу этихъ удивительныхъ звѣрей. Бу-Канасъ говорилъ, что въ случаяхъ голода и полного отсутствія пищи погонщики даютъ верблюдамъ корзины, *маты* или даже свои широкополыя шляпы.

Для верблюдовъ годится и такая пища.

Точно также ни одинъ арабъ никогда не беретъ для верблюдовъ воды. Верблюдъ можетъ пробыть безъ воды зимою, при сочной травѣ до 2-хъ недѣль; но лѣтомъ ихъ поятъ чаще.

Черезъ три часа пути мы проѣзжали мимо не большого оазиса. Тутъ мы у источника сдѣлали остановку. Бу-Канасъ набралъ въ два кожаныхъ мѣха-бурдюка воды для насъ, а своимъ верблюдамъ предоставилъ напиться вволю.

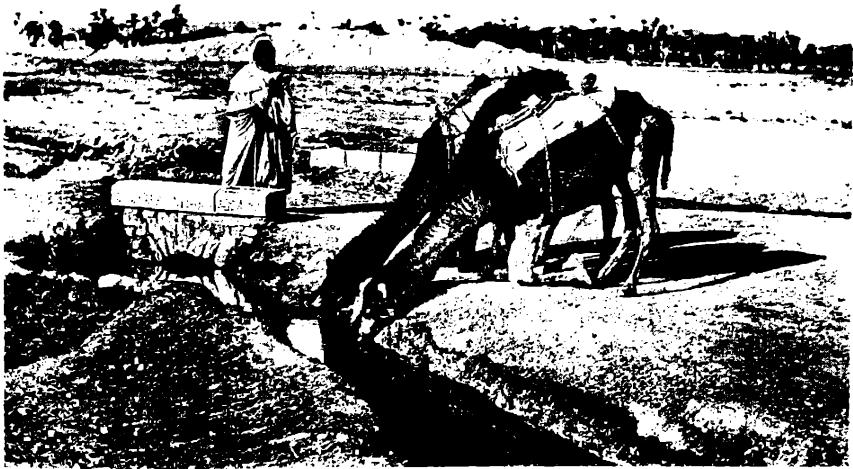
*) Растенія, которыя растутъ исключительно на почвѣ, пропитанной солью, возлѣ морей или соляныхъ озёръ.

Они очень охотно подошли къ канавкѣ, согнули переднія ноги, вытянули шеи и долго и много пили.

Мнѣ показалось, что даже животы у нихъ раздулись и толстыя веревки сѣдла глубже врѣзались въ ихъ тѣло.

Когда верблюды ѣли, то въ ихъ желудкахъ слышался довольно ясный шумъ воды.

Этотъ шумъ напоминалъ плесканіе жидкости въ маленькомъ неполномъ боченкѣ.

Верблюды на водопоѣ.

Бу-Канасъ сказалъ, что верблюды могутъ выпить до 4 и даже до 5 ведеръ воды, — но вѣрность этого свѣдѣнія я оставляю на его совѣсти.

Удивительная способность верблюдовъ переносить долгое время жажду кроется не только въ общей привычкѣ всѣхъ животныхъ пустыни, но и находить свое объясненіе въ особомъ устройствѣ двухъ первыхъ желудковъ съ глубокими ячейками или пере-

городками. Здѣсь вода смѣшивается съ желудочной слизью и пищей и постепенно расходуется на потребности тѣла.

Въ нѣкоторыхъ книгахъ, а особенно въ старинныхъ, писались по этому поводу различныя басни о томъ, что при сильной жаждѣ люди убивали верблюдовъ и въ ихъ желудкахъ находили воду для питья.

Вздоръ такой басни очевиденъ для всякаго, кто знаетъ, что вся пища и питье попадаютъ въ желудокъ и вызываютъ тамъ выдѣленіе различныхъ соковъ.

Не только черезъ нѣсколько дней, но и въ тотъ же день, когда верблюдъ пьетъ — невозможно пить воду, которая хоть нѣсколько часовъ была въ желудкѣ у животного.

Но оставляя своихъ верблюдовъ по нѣскольку дней безъ воды—арабы очень заботливо набираютъ для себя даже на самыя короткія путешествія бурдюки или кожаные мѣхи съ водой.

Кромѣ того, каждый арабъ знаетъ и умѣетъ находить безошибочно источники въ пустынѣ.

Безъ такого знанія и умѣнія каждаго путника въ пустынѣ ждетъ вѣрная смерть.

По тому, какъ заботливо Бу-Канасъ увязывалъ мѣхи съ водою, можно было видѣть, какое огромное значеніе придаетъ онъ этой драгоценной влагѣ.

Въ нашихъ двухъ бурдюкахъ вмѣщалось навѣрно ведеръ 6—7.

— Бу-Канасъ, зачѣмъ ты такъ много берешь воды? спросилъ я его.

Онъ улыбнулся, оскаливъ свои бѣлые, крупные зубы и сказалъ:

— Теперь только черезъ шестьдесятъ верстъ будетъ вода. Если насъ сирокко *) застанетъ, тогда и этой воды будетъ мало.

*) Южный вѣтеръ, очень сухой и своей сухостью, пылью и пескомъ очень опасный для людей и животныхъ въ пустынѣ.